

Александр КОСТЕРЕВ

МНИМЫЕ ДРУЗЬЯ РОССИИ. НАПОЛЕОН I

В серии политических статей, опубликованных в консервативной петербургской газете «Русский мир» в период 1877-1879 годов, философ и славянофил Н.Я. Данилевский высказал ряд оригинальных суждений, касающихся взаимоотношений императоров Александра I и Наполеона I.

«В свое время эти статьи, — отмечал Н. Страхов, — хотя не возбуждали общего внимания, производили, однако, глубокое впечатление на многих читателей, сердечно преданных чести и благу России, и навсегда остались в их памяти».

Отдадим и мы дань уважения смелости и искренности наблюдений Н.Я. Данилевского, 200-летний юбилей которого приверженцы русской философии и словесности отметят в декабре 2022 года, тем более что и сегодня эти заметки ценны тем, что позволяют лучше понять глубинные причины государственной политики России не только в XIX веке, но и в настоящее время. Нынешний год памятен еще 210-летним юбилеем Бородинского сражения, завершившимся изгнанием полчищ Наполеона из России.

«Как бы это ни показалось странным, — писал Данилевский, — но мы смело утверждаем, что в течение XIX века Россия имела только одного истинного друга в Европе, который и хотел, и мог быть ей полезным, — это Наполеона I. «Дружбу» эту, конечно, выгодную и для него, — в политике другой дружбы не бывает, да и не должно быть, — выказал он делами, положительными услугами, а не словами только, как прочие наши европейские «друзья», Россией облагодетельствованные, спасенные и даже возвеличенные. Он готов был дать нам и гораздо сильнее доказательства своей дружбы, — продолжал он, — если бы мы только захотели принять ее искренно, без задних мыслей, если бы мы решились быть только русскими и ничем более. Но мы предпочли быть европейцами и, ради Европы, собственными руками низвергли и погубили своего единственного друга, а потому, 18-го марта 1814 года, в стенах Парижа, окруженные торжеством и блеском победы, — если бы ясно понимали сущность нами совершенного и его последствия, — мы точно так же как 19-го февраля 1878 года под стенами Константинополя, в виду куполов святой Софии, должны были бы воскликнуть: горе победителям!»

Попробуем взглянуть на взаимоотношения Александра I и Наполеона I глазами участников событий, тем более, обширная литература XIX века по указанному вопросу позволяет погрузиться читателю в кипучую атмосферу дипломатических, дворцовых и шпионских интриг.

Европа и Россия в исторических декорациях начала XIX века

В момент прихода Наполеона к власти Франция находилась в состоянии войны с Великобританией и Австрией, которая в 1799 году благодаря успешному Итальянскому походу Суворова вернула себе Северную Италию.

Однако Люневильский мир между Францией и Австрией, заключенный 9 февраля 1801 года, положил начало господству Франции не только в Италии, но и в Германии. 27 марта 1802 года был заключен и Амьенский мир с Великобританией, который завершил войну Второй коалиции, но не устранил глубинных противоречий между Францией и Великобританией и, как следствие, оказался непрочным.

Девизом России явились слова, сказанные Павлом I Суворову: «Иди спасать царей!» Дело Павла продолжил Александр I, но с той разницей, что, во-первых, Россия выступала теперь в качестве защитницы не столько царей, сколько европейских народов, и, во-вторых, ее государь фактически явился организатором борьбы с Наполеоном.

Воцарившийся 12 марта 1801 Александр I немедленно по вступлении на престол приказал снять «учиненное перед тем запрещение на вывоз Российских товаров», а также секвестр с имущества англичан, а 5 июня 1801 года с Англией был заключен договор о нейтральной торговле.

Внешняя политика Наполеона состояла в стремлении обеспечить первенство французской промышленной и финансовой буржуазии на европейском рынке, чему естественно мешал английский капитал, рост которого подогревался происшедшей в Великобритании промышленной революцией. Жестокая конкуренция между двумя странами привела в 1803 году к разрыву дипломатических отношений и отзыву английского посла, 16 мая был выпущен приказ о захвате французских судов в британских портах и в открытом море, а 18 мая Великобритания объявила Франции войну.

Наполеон собрал к 1804 году в Булони и окрестностях более 1700 судов для отправки своих войск в Англию.

В апреле 1805 года предусмотрительная и расчетливая Великобритания склонила Россию к подписанию Петербургского союзного договора, заложившего основу третьей коалиции: Великобритания, Австрия, Россия, Неаполитанское королевство и Швеция, — сформированной против Франции и союзной ей Испании. Важным фактором в формировании коалиции стали британские субсидии (англичане выделили союзникам 5 миллионов фунтов стерлингов) для подъема экономики, находящейся в плачевном состоянии.

Наполеон планировал высадку на Британские острова, но, получив сведения о действиях коалиции, двинул войска из Булонского лагеря в Германию.

По настоянию Александра I российская армия прекратила отступление и вместе с австрийцами 2 декабря 1805 года вступила в сражение с французами при Аустерлице, в котором союзники попали в тактическую ловушку, расставленную Наполеоном, потерпели тяжёлое поражение и в беспорядке отступили. 26 декабря Австрия откупилась от Франции и заключила с ней сепаратный Пресбургский мир, по условиям которого более 65 миллионов франков поступили из австрийских земель в Управление экстраординарных имуществ.

18 мая 1806 года британское правительство распорядилось о блокаде французского побережья, разрешив досмотр нейтральных (главным образом американских) судов, направлявшихся во Францию. Одержав победу над Пруссией, 21 ноября 1806 года в Берлине Наполеон подписал декрет о континентальной блокаде.

С этого момента Франция и её союзники прекращали торговые отношения с Англией. Европа была основным рынком сбыта английских товаров, а также колониальных, ввозимых Англией — крупнейшей морской державой. Континентальная блокада нанесла ущерб английской экономике: по мере того как европейские страны присоединялись к блокаде, происходило падение экспорта британского сукна и хлопка на континент, при этом росли цены на сырьё, которое Британия ввозила с континента.

Кровопролитное генеральное сражение зимней кампании при Эйлау 8 февраля 1807 года между французской и русской армиями не выявило очевидного победителя, впервые за многие годы Наполеон не одержал решительной победы.

После занятия французами Данцига 27 мая 1807 года и поражения русских под Фридландом 14 июня, позволившего французам занять Кёнигсберг и угрожать русской границе, 7 июля Россия была вынуждена пойти на заключение Тильзитского мира и в соответствии с его условиями примкнуть к континентальной блокаде Англии, которая к середине 1808 года вызвала рост дороговизны, снижение доходов, народные волнения в Ланкашире и резкое падение фунта стерлингов.

От Тильзитского мира до войны 1812 года

С момента заключения Тильзитского мира взаимоотношения Александра и Наполеона вступили в новую фазу дипломатических уловок. Как ни старался Наполеон казаться в российской политике искренним и прямодушным, ему все же не удалось обмануть Александра I.

«Разделим мир», — говорил Наполеон императору Александру, — подписывая в 1807 г. мирный трактат в Тильзите, в походной палатке на Неманском мосту. Два сильных императора подали друг другу руку. Все радовались этому мирному заявлению взаимной дружбы и согласия. Большинство было уверено, что Тильзитский трактат не только мир, но и союз двух великих императоров. Да и в самом деле, какое могло быть

деление мира? Какое должно было лечь основание для этого дележа? Одно только: для Франции — Запад, для России — Восток; Франции оставалось овладеть Испанией с Португалией, а России доставался Балканский полуостров. Но дело в том, что Наполеон не мог допустить такого равного и естественного дележа, ибо с Балканским полуостровом в тесной связи стоял и Константинополь, столь желанный для Наполеона, овладение которым было конечной целью завоевательных стремлений Наполеона.

При всем том, так как Наполеону грозила беда разом и из Австрии, и из Испании, он опять обещал царю Александру помочь в Турции, даже очистить Пруссию. Оттого-то Александр охотно согласился на предложенную ему Наполеоном встречу в Эрфурте в сентябре 1808 года, ставшую, по словам современников, выставкой миролюбия. В театре Наполеон любовался «партером из королей»; мелкие потентаты буквально прислуживали ему за столом; а сам он выказывал почтение только светилам немецкой литературы с Гёте во главе, который неустанно воспевал его. Александр подавал пример лести перед «лучшим из людей». Императоры обменялись шпагами и 18 дней не могли расстаться друг с другом.

Однако идиллия была обманчивой и недолгой. Александр уже после Эрфурта говорил своей сестре: «В Европе нет места для нас обоих; рано или поздно, один из нас должен удалиться».

Миролюбивые заявления Наполеона высказывались исключительно из опасения заключения Россией поспешного мира с турками, чему Наполеон всячески препятствовал, посылая в Константинополь нарочных курьеров убедить турок продолжать войну и во что бы ни стало помешать заключению мира. Война России с турками нужна была Наполеону для того, чтобы Россия не помешала действиям Наполеона в Испании, где его армии терпели поражения, а английские военачальники своими успешными действиями совершенно парализовали военные операции французов.

Однако двуличность политики Наполеона в отношении России становится очевидной в 1810-1811 годах.

В декабре 1810 года император Александр I отправил в Париж молодого полковника А.И. Чернышева с письмом к Наполеону, в котором изъявлял согласие поддержать дружбу и союз с Францией. Наполеон в свою очередь выразил не только миролюбивое настроение в отношении России, но даже и заботу о ее благосостоянии.

Однако опытный дипломат Чернышев сомневался в искренности миролюбивых заявлений Наполеона и доносил Александру I, что присоединение Ганзейских городов к Франции, конскрипция за 1811 год, а также увеличение войска в названных городах, — что все это говорит о военных приготовлениях Наполеона, и все его мирные заявления следует считать прикрытием обмана.

«Осмеливаюсь сказать Вашему Величеству, — писал Чернышев Александру, — что, несмотря на то, что речи Императора Наполеона исполнены миролюбия, все его действия совершенно не согласны с ними».

Чернышев, разгадав замыслы Наполеона, с уверенностью информировал Александра I, что Наполеон задумал господствовать не только над всеми берегами Средиземного моря, но и над берегами Балтийского моря, а также планирует присоединить Вестфальское королевство к Франции и сделать Константинополь столицей будущей своей всемирной империи.

При этом Наполеон заверял Чернышева, что он никаких тайных сношений с Турцией не имеет, что он, напротив, всегда стоял за желательный для нас мир с турками, а не за продолжение войны, так как он не видит ущерба для своей империи в приобретении нами Финляндии и дунайских княжеств: Молдавии и Валахии.

«Это ваше дело, — повторял Наполеон Чернышеву, — а не мое, моя вода не простирается до тех пор, и это австрийский вопрос, а не французский».

«Слухи о войне Франции с Россией, — также писал в начале 1811 года императору Александру I русский посол в Париже князь А.Б. Куракин, — распространены во Франции и Германии; впрочем, важно сказать, что они не прекращались со времени женитьбы Наполеона I». Известно, что Наполеон, после развода со своей первой женой Жозефиной, просил у Александра I руки великой княжны Анны Павловны, в знак своей дружбы в отношении России, но получил отказ, так как императрица Мария Федоровна предпочитала Наполеону вдовствующего прусского короля Фридриха Вильгельма III. Недовольный таким отказом, Наполеон на аудиенции в Фонтенбло откровенно заявляет полковнику А.И. Чернышеву: «...что его интересы, его политика, все заставляло его желать продолжения мира с Россией, что он, прежде всего, обратился к Императору Александру I, желая вступить в брак с великой княжной, что Ее Величество, Императрица, воспротивившись, оставила просьбу в течение десяти дней без ответа, и, наконец, видя, что это долго тянулось, он перешел на сторону Австрии и, не зная наверное, решился ли бы Император, поговорить с матерью, нашел ловкого человека в князе Шварценберге, который взялся окончить дело в несколько часов».

Действительно, князь Шварценберг, австрийский посол в Париже, устроил жеманство Наполеона на австрийской эрцгерцогине Марии-Луизе. При этом и Австрия, надеясь увидеть с этой поры в Наполеоне своего доброго союзника, горько ошиблась.

Вновь вышедшее «Положение о нейтральной торговле на 1811 год в портах Белого, Балтийского, Северного и Азовского морей и по всей западной сухопутной границе» убило в Наполеоне все надежды достигнуть мирных соглашений с Александром I по вопросу о нейтральной торговле.

В марте 1811 года Наполеон откровенно, пред глазами всей Европы, высказал свои враждебные отношения к России. Принимая депутацию от торгового и мануфактурного советов, Наполеон в своей речи к ней заметил: «...когда я был в Тильзите, то в моей власти было идти на Москву или Петербург; но русский Император обязался мне не производить более торговли с англичанами, и я приостановил мой поход. Но если он не исполняет своих обещаний, то я могу вновь предпринять этот поход. Я займу Данию; необходимо, чтобы все побережья Балтийского моря следовали моей системе. Еще три года — и я буду владыкой вселенной».

С этой поры Россия в качестве союзного государства для Наполеона не существовала: она, по его расчету, всецело должна была ему подчиниться, как другие европейские державы. Между тем Александр I не присылал в Париж уполномоченного для урегулирования конфликта, и Наполеон решился объявить последние условия достижения соглашения между Россией и Францией:

- а) совершенное исполнение Тильзитского трактата,
- б) заключение нового торгового трактата с Францией,
- в) соглашение по вопросу об Ольденбургском герцогстве,

заметив при этом, что Россия будет виновницей новой войны, ибо она не ищет мирного соглашения с Францией.

Чернышев, дальновидно сообщая Александру о необходимости незамедлительно заключения мира с турками, сообщает об организации в 1811 году трех корпусов, предназначенных для военных действий против России.

Однако осенью 1811 года Наполеону было затруднительно начинать военные действия, совершать переправу чрез Вислу, ибо Наполеон хорошо знал, что Польша и привисленский край обладают в распутицу непроходимую грязью.

Зиму 1811-1812 годов Наполеон решил употребить на возможно лучшую организацию своих армий, увеличение их численности, оснащения провиантом и боеприпасами.

Кто не с нами, тот...

«Это — самое великое, самое трудное предприятие! — воскликнул Наполеон, — чую, меня влечет к неведомой цели. Когда достигну ее, довольно будет одного атома, чтобы низвергнуть меня. Но нужно довершить начатое». Впрочем, почти все верили в легкую победу западной цивилизации над восточным «варварством». Когда владыка произвел смотр своим вооруженным « народам » в Дрездене, почти все европейские монархи составляли его свиту, Лейпцигский университет успел назвать одно из открытых созвездий «Наполеоном», а Гёте неумоимо славословил великана истории.

Под железною рукою Наполеона к 1811 году рабски лежала вся континентальная Европа, исключая Англию и Испанию.

Но на что могла рассчитывать Россия, завязав борьбу с Наполеоном на жизнь и смерть?

Россия с трудом могла рассчитывать на сомнительный союз со Швецией, у которой она так недавно отняла Финляндию. Александр I и представители русского кабинета за границею понимали всю необходимость использования этого слабого шанса: заключения союза со Швецией, чтобы обеспечить себе тыл с этой стороны и советовали даже Александру I уступить Турции Молдавию и Валахию, только бы она оставалась нейтральною в войну нашу с Наполеоном.

Князь Куракин писал Александру I: «При таких обстоятельствах, мне кажется, заключение союза со Швецией представляется необходимым и выгодным, для того чтобы обеспечить себя от нападения с этой стороны».

Да и самую Турцию нужно было привлечь если не к союзу с нами, то, по крайней мере, заставить ее быть нейтральною во время войны нашей с Наполеоном. Вот почему дипломат генерал Павел Сухтелен, говоря Александру о необходимости заключить мир с турками, в то же время организовывает поездку из Стокгольма к туркам генерала Таваста с целью убедить последних, что Наполеон, под видом дружбы с нами, тайно добивается захвата Египта, Константинополя, и тем самым склонить их к союзу с Россией.

Князь Куракин даже просил императора Александра I заключить мир с турками

посредством Англии, так как она приобрела большое влияние на турецкий диван, а в крайнем случае, могла отправить к Константинополю одну из многочисленных своих эскадр средиземного моря.

Союз же с Англией Куракин считал самым необходимым для России как ввиду военных издержек на войну с Наполеоном, так и в торговом отношении. Первым последствием этого союза должно было быть повышение курса рубля и возрождение внутренних средств вследствие подъема торговли, промышленности, а равно и инвестиций в империю. Теперь и становится понятным, почему Александр Павлович не согласился на предложение Наполеона убить английскую торговлю на севере и обнародовал новый тариф, которым так был взбешен Наполеон, что решился даже сжигать русские товары, ввозимые во французские порты. Но у Наполеона, по его заявлениям пред началом войны с Россией, было 600 миллионов франков. В то же время состояние экономики России можно оценить из отчета М.М. Сперанского о делах 1810 года, представленного Александру 11 февраля 1811 года. Предлагая проект нового бюджета, Сперанский заявляет: «Чтобы судить с основательностью об операциях наших в финансах, должно взять во внимание точку, с которой мы пошли, время, которое на исправление употребили, и обстоятельства, в коих целая Европа находилась: 126 миллионов дохода, 225 миллионов расхода, 577 миллионов долгу. Ни малейшего запаса, ни одного готового источника, самое нестройное управление казначейства, вот истинная точка, с коей надлежало двинуться в финансах».

Еще годом ранее А.И. Чернышев доказывал Александру I необходимость соглашения с Англией по вопросу о военных издержках на предстоящую войну с Наполеоном. Британское правительство, по плану Чернышева, должно было принять на себя все издержки или, по крайней мере, участие в них на содержание иностранных союзнических войск и особенно офицеров.

Разорвав отношения с Александром I, Наполеон решился на войну с Россией. 450 тыс. солдат, собранных в Великую армию из разных стран Европы, в июне 1812 года перешли русскую границу; им противостояли 193 тыс. солдат в двух русских западных армиях.

Генеральное сражение, данное русскими войсками 7 сентября у деревни Бородино перед Москвой, не принесло Наполеону решительной победы, а стало началом великого конца наполеоновского вторжения, впоследствии детально описанного историками.

Вместо эпилога

Многолетняя, славная в военном, но не в политическом смысле, борьба Александра против Наполеона не принесла России ощутимой пользы: полученное в качестве вознаграждения за жертвы и усилия Царство Польское, вероятно, могло быть приобретено путем политических договоренностей с Наполеоном.

Кроме этого сомнительного приобретения, Россия косвенно усилила своих врагов — Англию и Австрию, не приобретя взамен ни одного политического союзника, но на многие годы связала себя вредной политикой солидарности с Европой.

«Не захотев содействовать планам Наполеона, — писал Данилевский, — потому что они были направлены против интересов Европы, хотя содействие это не налагало на нас никаких иных обязательств, кроме преследования своих собственных, вполне законных и справедливых Петровских и Екатерининских планов, — мы предпочли поступить на службу к Меттерниху с явною уже обязанностью действовать вопреки очевиднейшим интересам России, вопреки действительно священным религиозным и национальным сочувствиям и стремлениям русского народа.

Но, с другой стороны, и противоположное им европейничество в политике сохраняло свою силу. Поэтому и после 1815-го года внешняя политика России сохранила тот же характер двойственности, нерешительности колебаниями между двумя притягательными полюсами интересов русско-славянских и интересов европейских, который она имела в начале столетия, или, правильнее сказать, с самой смерти великой Императрицы, при которой русская политика знала только один русский интерес и ни о какой солидарности не заботилась.

В чем заключается причина того обаяния, того ореола, которым окружен ее блистательный век в памяти потомства. Не только военные подвиги: Кагул, Чесма, Рымник, Измаил и Прага придают ее царствованию лучезарный блеск. Русские войска совершали после нее подвиги не менее славные, даже еще более трудные и притом против противников несравненно могущественнейших и искуснейших.

Но эти новые подвиги, новые победы: Бородино, Лейпциг, двукратный переход через Балканы и многие другие — отчасти не имели ничего общего с интересами России, отчасти же результаты их были приносимы в жертву чуждым и враждебным нам ев-

ропейским интересам, именно вследствие шаткости, неопределенности нашей политической точки зрения, заменившей твердый, исключительно русский политический взгляд Петра и Екатерины.

Следовательно, Россия, для достижения своих целей, должна пользоваться всеми ошибками Европы, всяким внутренним раздором ее, всякою надобностью, которую то или другое государство может встретить в помощи России. Есть примеры и в течение XIX столетия, хотя, к несчастью, очень редкие, когда Россия держалась этих правил; есть и другие, несравненно более частые, когда она упускала их из виду и действовала в противоположном смысле.

Политика России, чтобы быть успешною, чтобы возратить себе тот блеск и те плодотворные результаты, которыми она увенчивалась во дни великой Императрицы, должна держаться как постоянного руководящего принципа русско-славянского эгоизма, в чем и заключается настоящей смысл выступления России из европейской политической системы.

Русско-славянский эгоизм требует достижения Россию политической полноправности, в которой ей постоянно отказывают под разными гнилыми предлогами, навязывая ей различные ограничения, повинности, сервитуты относительно пользования омывающим ее берега Черным морем. То, что Россия в своем море, у своих берегов, отказывается от пользования некоторыми из своих несомненных прав, — называется, на европейско-политическом жаргоне, обеспечением свободы этого моря! Разве такой взгляд совместим с положением о политической полноправности и верховенстве государства?

Установление этой равноправности и полноправности — вот чего требует русско-славянский эгоизм и чему противится анти-русско-славянский, англо-австро-европейский эгоизм. Не совпадает ли первый с требованиями справедливости, а следовательно, и с требованиями общего интереса человечества, к которому стоимиллионное славянское племя ведь также принадлежит?»

Что до Наполеона, то он предавался диктовке своей автобиографии на острове Святой Елены, которая выходила потом отрывками под видом записок его секретаря и врачей. Тогда же были набросаны его замечательные, а главное, поучительные военные заметки:

«Эта война, — писал Наполеон, — должна была стать самой знаменитой войной современности. Война за мир и безопасность для всех (?). Она носила исключительно примирительный и оборонительный характер как для Европы, так и для всего Европейского материка. Ее успех явил бы новые коалиции, благодаря которым на смену бедствиям настоящего пришло бы спокойствие и порядок в будущем».

ЧЕХОВ – НОМО SACHALIENSIS, или Нисхождение в преисподнюю

В созвездии искромётной прозы Чехова особняком стоит этнографическое исследование «Остров Сахалин», написанное не только под впечатлением, но и по зрелом размышлении о результатах поездки писателя на Дальний Восток, предпринятой в 1890 году, первоначально опубликованное в ряде статей в журнале «Русская мысль», а впоследствии вышедшее отдельным изданием в 1895 году.

В книге Чехов-исследователь сознательно «ущемляет права» Чехова-писателя и художника, истинный стиль которого пробивается к читателю органичными описаниями бытовых сценок и яркими характеристиками каторжан, исполненными с чеховским остроумием и наблюдательностью. Возможно, книга проиграла от желания Чехова взглянуть на Сахалин рассудочным взглядом ученого, но его путевые письма о тяготах странствия всё так же необычайно легки, оптимистичны и наполнены мягким юмором, компенсирующим драматизм ситуации.

Мотив, побудивший Чехова предпринять это многотрудное по меркам конца XIX века путешествие, находим в его письме А.С. Суворину от 9 марта 1890 года:

«Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий. Я еще не ездил, но благодаря тем книжкам, которые прочел теперь по необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому под страхом 40 плетей, и чего я имел невежество не знать раньше. Пусть поездка моя пустяк, упрямство, блажь, но подумайте и скажите, что я потеряю, если поеду? Время? Деньги? Буду испытывать лишения? Время моё ничего не стоит, денег у меня все равно никогда не бывает, что же касается лишений, то на лошадях я буду ехать 25-30 дней, не больше, всё же остальное время просижу на палубе парохода. Все это неубедительно, но ведь и Вы пишете столь же неубедительно. Например, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов. Не дальше, как 25-30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди, и только сидим в четырех стенах и жалуемся, что Бог дурно создал человека. Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как в Мекку. Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч вёрст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и всё это сваливали на тюремных, красноносых смотрителей <...> виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно. Нет, уверяю Вас, Сахалин нужен и интересен и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе» [13, с. 19].

В качестве одного из главных побудительных мотивов поездки можно рассматривать также возможность расширения писательского горизонта, жанровой тренировки, хотя, отчасти из скромности, отчасти из тактических соображений, Чехов старался предостеречь окружающих от чрезмерных надежд. К работе о Сахалине Чехов приступил как к научной диссертации, несмотря на то что от него, как от художника, читающая публика, вероятно, ожидала совсем другого.

Из истории сахалинской каторги

По иронии судьбы в современной Японии часто используется название острова — Сахарин, являющееся транслитерацией русского названия, а аборигены Сахалина и низовий Амура — нивхи — называют остров Ых-миф.

Остров осваивался Россией с 1849 года, после исследований, проведенных Невельским и его сподвижниками, а в 1853 году организованы два военных поста — Ильинский на западном и Корсаковский на южном берегу острова. По Симодскому трактату 1855 года между Российской империей и Японией Сахалин был признан совместным нераздельным владением. Неясность такого статуса была очевидна для обеих сторон, и по Санкт-Петербургскому договору 1875 года Россия получила в собственность остров Сахалин, взамен передавая Японии свою часть Курильских островов [7, с. 6].

В сентябре 1858 г. на Сахалин был доставлен первый преступник, имя которого сохранилось в документах того времени — Иван Лапшин [2, с. 22]. Спустя три года

после этого переселения началась постоянная высылка преступников на Сахалин для добычи каменного угля. В 1861 году было прислано 20 человек не каторжного, а так называемого водворяемо-рабочего разряда [12].

18 апреля 1869 года Александр II утвердил «Положение Комитета об устройстве каторжных работ», которое официально определило Сахалин как место каторги и ссылки, печально «прославившей» остров в России и за ее пределами на долгие годы. Желая заселить остров и приобрести дешевую рабочую силу для разработки каменно-угольных рудников, правительство в 1869 году выслало сюда партию ссыльных — 800 человек. По закону от 23 мая (4 июня) 1875 года началось освоение сахалинской ссылки и каторги, и в 1876 году в посту Дуэ была построена первая каторжная тюрьма. По оценкам Чехова в 1891 году на острове находилось порядка 10000 ссыльных и каторжных, а в 1897 году, по официальной Всероссийской переписи, на Сахалине зарегистрировано 33500 жителей обоего пола, из них уже 20000 приходилось на долю ссыльных, 9000 — русского свободного населения и 4500 туземцев [12].

Многие знания – многие печали

Публикации о сахалинской каторге стали появляться в 70-х, 80-х годах XIX века. В «Кратком очерке неустройств, существующих на каторге» с грифом «конфиденциально» коллежский советник Власов поведал ограниченному кругу посвященных лиц о состоянии дел на сахалинской каторге:

«В конце сентября 1871 года я предпринял путешествие для осмотра местности Сахалина. Внутри острова не существует никаких дорог, кроме пешеходных тропинок, грязных, пересекаемых речками и болотами и теряющихся в тайге [2, с. 24]. Каторжные Сахалинского поселения находятся в двух постах Дуэ и Корсаковском. При недостатке надлежащих помещений для преступников, они живут в казармах на вольных квартирах или в своих домах, превращая каторгу в поселение [там же, с. 25].

Рабочие журналы прошлых годов испещрены отметками «бос», объясняющими отсутствие каторжных на работах. [там же, с. 26].

Существующие на каторге беспорядки коренятся, во-первых, в полном несоблюдении правил закона, иногда в неспособности лиц управления или в ненадлежащем обращении к делу, во-вторых, в местных условиях, затрудняющих исполнение закона, в неправильной организации работ, в предоставляемой каторжным свободе и слабом надзоре за ними. На Сахалине, в п. Корсакове, нет даже устава о ссыльных, заключающего требования относительно каторжных. Лица высшего управления, озабоченные достижением высших государственных целей, при разнообразии их занятий не имеют возможности всецело посвятить свою деятельность этому важному вопросу, который для правильного его разрешения требует подробного исследования, а местные власти не имеют средств к исполнению своих обязанностей или относятся к делу равнодушно и ведут его без всякой системы» [там же, с. 50].

«Резюмируя все сказанное, к сожалению, нужно сознаться, что у нас не существует каторжных работ ни в смысле наказания, ни в смысле исправления» [там же, с. 54].

Автор статьи «Каторга на острове Сахалине» в «Сибирской газете» от 1882 году, скрывший своё настоящее имя под псевдонимом «Б», также попытался хотя бы частично удовлетворить любопытство читателей:

«Много было писано об устройстве каторжных работ на острове Сахалине, но всё же познания о нем в обществе смутны и неопределенны. В навигацию 1882 года ожидается присылка в Корсаковский пост еще 500 каторжных и притом с семьями. Вновь назначенному заведующим ссыльнокаторжными майору Янцевичу предстоит решение весьма трудной задачи. С прибытием ожидаемая партия будет помещена тесно в зданиях, непригодных к тюремным условиям, вследствие чего невозможно водворить порядок, предписанный законом для острогов. Караульная служба не может быть достаточною, потому что число людей постовой команды рассчитано для надзора за 600 арестантами, между тем, с прибытием ожидаемой партии число их значительно превысит эту норму. При таких условиях присылка значительной партии в 1882 году трудно объяснима. Казалось бы, что прежде всего следует построить наличным числом каторжных поместительный острог, а затем уже заселить эту тюрьму новыми арестантами, другими словами — прислать новую партию не раньше 1883 года. Количество добываемого угля совершенно ничтожно, рудничные работы ведутся так неправильно, что галереи обвалились, вследствие того что при усилении запроса на уголь для нашего флота распорядитель общества решил выбрать уголь, оставленный в виде столбов для поддержки пласта земли над штольнями. Вопрос, насколько рудничные работы в Дуэ имеют будущность, сделался сомнительным за последнее время. Если по своим качествам сахалинский уголь мог бы конкурировать с другими сортами,

и в том числе с южно-уссурийским, то неудобства отправки угля с рейда Дуэ так велики, что выгода дела сомнительна» [1, с. 305-309].

Общественный интерес к проблемам освоения Сахалина был настолько велик, что в стороне не остались даже «Московские церковные ведомости», сообщив в 1884 году следующее: «Вопрос об устройстве управления островом Сахалином окончательно разрешен. Преобразования начнутся немедленно. На Сахалине решено сосредоточить половину всех каторжников, около 5000. Остров разделяется на три административных округа: Александровский с тюрьмами на 2000, Тымовский с тюрьмами также на 2000 и Корсаковский с тюрьмами на 1000 каторжных [6, с. 6]. Тюрьмы будут иметь преимущественно характер пенитенциарных колоний. Каторжные будут заниматься полевыми работами и устройством дорог. Начальнику острова будут присвоены права военного губернатора, и при нем будут состоять: врачебный инспектор сельского хозяйства, инженер, архитектор, землемер и товарищ прокурора. Оканчивающие срок каторжные будут поселяться исключительно на острове» [16, с. 305].

В начале 80-х состоялись инспекционные поездки по Сибири и на остров Сахалин начальника Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Враского, по результатам которых им была составлена не только официальная записка и предложены меры по исправлению тяжелого положения [4, 5], но и опубликованы заметки «Из путевого дневника» [6], а в целях «популяризации» достижений сахалинской каторги в 1890 году устроена выставка, на которой были представлены экспонаты местного быта и промыслов числом 706 [9]. Несмотря на все усилия тюремного начальства и победные реляции, выставка не разубедила сомневающихся и не изменила общественного мнения порицателей.

В круге первом

Поездка Чехова на Сахалин была предпринята на внутреннем эмоциональном подъеме, которым отличалась его творческая энергичная натура. Младший брат Чехова Михаил, завершая курс юридического факультета Московского университета, познакомил Антона Павловича с лекциями по уголовному праву, судопроизводству и тюремоведению, которые его настолько заинтересовали, что послужили толчком для подготовки к поездке, сбору литературного материала и документов [8]. Чехов всячески избегал огласки и восприятия его поездки как официальной. Обращение писателя к начальнику Главного тюремного управления Н.М. Галкину-Враскому за содействием в организации вояжа не принесло никакой пользы, и, имея в кармане только корреспондентский бланк, писатель отправился 19 апреля 1890 года по первоначально намеченному маршруту: Москва – Ярославль – Казань – Пермь – Тюмень (далее на тарантасе и по рекам, так как Великой Сибирской дороги тогда еще не было, с неимоверными трудностями и лишениями) – Томск – Красноярск – Иркутск – Байкал – Благовещенск – Хабаровск – Николаевск – Сахалин. Весь путь Чехов сопровождал мобилизующими, иногда нарочито ироничными письмами друзьям и родным, наиболее яркими цитатами из которых уместно украсить дальнейшее повествование.

С иронией о серьезном

Из письма Н.М. Линтваревой, 5 марта 1890 г. (Москва):

«...кажется, писал Вам, что меня будто кто-то командирует туда, но это вздор. Я сам себя командирую, на собственный счет. На Сахалине много медведей и беглых, так что в случае, если мною пообедают господа звери или зарежет какой-нибудь бродяга, то прошу не поминать лихом. Конечно, если успею и сумею написать о Сахалине то, что хочу, то пришлю Вам книгу тотчас же по выходе её в свет; она будет скучна, состоять будет из одних только цифр, но позвольте рассчитывать на Вашу снисходительность» [13, с. 18].

О голой японке, завещании и кожаном пальто

Из письма А.С. Суворину, 15 апреля 1890 г. (Москва):

«Деньги я получил, большое Вам спасибо, хотя полторы тысячи много, не во что их положить, а на покупки в Японии у меня хватило бы денег, ибо я собрал достаточно. У меня такое чувство, как будто я собираюсь на войну, хотя впереди не вижу никаких опасностей. Так как, если говорить о документах, я вооружен одним только паспортом и ничем другим, то возможны неприятные столкновения с предерживающими властями, но это беда преходящая. В случае утонуть или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что все, что я имею и могу иметь в будущем, принадлежит сестре; она заплатит мои долги. ...я привезу Вам не в счет абонементу голую японку из слоновой кости или что-ни-

будь вроде уважаемой утки, которая стоит у Вас на этажерке перед столом. Я буду писать Вам лично; если что дорожное будет, по Вашему мнению, годиться для печати, то отсылайте в редакцию. Купил себе полушубок, офицерское непромокаемое пальто из кожи, большие сапоги и большой ножик для резания колбасы и охоты на тигров. Вооружен с головы до ног» [там же, с. 48].

Секрет Полишинеля

Из письма А.С. Суворину, 18 апреля 1890 г. (Москва):

«В телеграммах не употребляйте слово Сахалин. Для администраторского уха это звучит так же неприятно, как Петропавловская крепость. Обь еще покрыта льдом, и посему от Тюмени до Томска мне придется скакать на лошадах. Местность адски скучная, хмурая. А ждать, когда вскроется, нельзя, так как навигация начнется только 10-го мая. Спасибо за корреспондентский бланк. Я нарочно еду в Ярославль, а не в Нижний, чтобы побольше захватить Волги» [там же, с. 50].

О буфетах, севрюжке фры и ватер-клозетах

Из письма М.П. Чеховой, 23 апреля 1890 г. (пароход «Александр Невский»):

«Первое впечатление Волги было отравлено дождем и заплаканными окнами каюты... На пароходе я первым делом дал волю своему таланту, т.е. лёг спать. Пароход неважный. Самое лучшее в нём — это ватер-клозет. Стоит он высоко, имея под собою четыре ступени, так что неопытный человек легко может принять его за королевский трон. Самое худшее на пароходе — это обед. Сообщаю меню с сохранением орфографии: «щи зеле», «сосиски с капу», «севрюшка фры», «кошка запеканка»; кошка оказалась кашкой. Так как деньги у меня нажиты потом и кровью, то я желал бы, чтобы было наоборот, т.е. чтобы обед был лучше ватер-клозета. Свистит пароход ежеминутно; его свист — что-то среднее между ослиным ревом и золотой арфой. Очень красивые буксирные пароходы, тащащие за собою по 4-5 барж; похоже на то, как будто молодой, изящный интеллигент хочет бежать, а его за фалды держат жена-кувалда, теща, свояченица и бабушка жены.

Скучающий вологжанин Номо Sachaliensis. А. Чехов» [там же, с. 51].

Друзья мои тунгусы!

Из письма М.П. Чеховой, 24 апреля 1890 г. (с парохода):

«Деньги целы все, за исключением тех, которые я проел. Не хотят подлецы кормить даром!» [13, с. 54].

О пользе чугунных голов

Из письма М.П. Чеховой, 29 апреля 1890 г. (с парохода):

«Берега голые, земля бурая, тянутся полосы снега, а ветер такой, что сам чёрт не сумеет дуть так резко и противно. Когда дует холодный ветер и рябит воду, имеющую теперь после половодья цвет кофейных помоев, то становится и холодно, и скучно, и жутко; звуки береговых гармоник кажутся унылыми, фигуры в рваных тулупах, стоящие неподвижно на встречных баржах, представляются застывшими от горя, которому нет конца. Больше всех нравится в здешних краях Сибиряк-Мамин, описывающий Урал. О нём говорят больше, чем о Толстом. Калош у меня нет, натянул я большие сапоги и, пока дошел до буфета с кофе, продушил дегтем всю Уральскую область. А приехал в Екатеринбург — тут дождь, снег и крупа. Извозчики — это нечто невообразимое по своей убогости. И чем правильнее я нарисовал бы здешнего извозчика с его пролеткой, тем больше бы он походил на карикатуру. Все извозчики похожи на Добролюбова. Остановился я в «Американской гостинице» (очень недурной). Здешние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунно-литейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик. Входит в номер с самоваром или с графином и того гляди убьёт. Я сторонюсь. Всю ночь здесь бьют в чугунные доски на всех углах. Надо иметь чугунные головы, чтобы не сойти с ума от этих неумолкающих курантов» [там же, с. 56].

И какой же русский не любит быстрой езды!

Из письма М.В. Киселевой, 7 мая 1890 г. (берег Иртыша):

«И вот я сижу ночью в избе, стоящей в озере на самом берегу Иртыша, чувствую во всем теле промозглую сырость, а на душе одиночество, слушаю, как стучит по гробам мой Иртыш, как ревет ветер, и спрашиваю себя: где я? Зачем я здесь? В соседней

комнате спят мужики-перевозчики и мой ямщик. Люди добрые. А будь они злые, меня можно было бы отлично ограбить и утопить в Иртыше. Дорога до Томска в разбойничьем отношении совершенно безопасна. О грабежах не принято даже говорить. Даже краж у проезжающих не бывает; уходя в избу, можете оставлять вещи на дворе, и они все будут целы. Но меня всё-таки чуть было не убили. Я еду на тарантасике и думаю, думаю... Вдруг вижу, навстречу во весь дух несется почтовая тройка; мой возница едва успевает свернуть вправо, тройка мчится мимо. Вслед за ней несется другая тройка, тоже во весь дух; свернули мы вправо, она сворачивает влево; «сталкиваемся!» — мелькает у меня в голове. Одно мгновенье и — раздаётся треск, лошади мешаются в черную массу, мой тарантас становится на дыбы, и я валюсь на землю, а на меня все мои чемоданы и узлы. Вскрываю и вижу — несется третья тройка. Должно быть, накануне за меня молилась мать. Если бы я спал или если бы третья тройка ехала тотчас же за второй, то я был бы изломан насмерть или изувечен. Оказалось, что передний ямщик погнался лошадей, а ямщики на второй и на третьей спали и нас не видели. После крушения глупейшее недоумение с обеих сторон, потом жестокая ругань. Сбруи разорваны, оглобли сломаны, дуги валяются на дороге. Ах, как ругаются ямщики! Ночью, в этой ругающейся, буйной орде я чувствую такое круглое одиночество, какого раньше никогда не знал» [13, с. 62].

Степь да степь кругом

Из письма М.П. Чеховой, 14 мая 1890 г. (село Яр, в 45 верстах от Томска):

«Возят через Сибирь почтовые и вольные. Я взял последних: посадили меня раба Божьего в корзинку-плетушку и повезли на паре. Сидишь в корзине, глядишь на свет Божий, как чижик, и ни о чём не думаешь. Сибирская равнина начинается, кажется, от самого Екатеринбурга и кончается чёрт знает где; я сказал бы, что она очень похожа на нашу южнорусскую степь, если бы не мелкий березняк, попадающейся то там, то сям, и если бы не холодный ветер, покальывающий щеки. От Тюмени до Томска ни почтовые, ни вольные ямщики не помнят, чтобы у проезжающего украли что-нибудь... О грабежах и убийствах по дороге не принято даже говорить. Мне кажется, потеряй я свои деньги на станции или в возке, нашедший ямщик непременно возвратил бы мне их и не хвастался бы этим. Вообще народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями» [13, с. 66].

Сапоги, ну куда от них денешься?

Из письма М.П. Чеховой, 16 мая, 1890 г. (Томск):

«Виноваты оказались ботфорты, узкие в задниках. Сладкий Миша, если у тебя будут дети, в чём я не сомневаюсь, то завещай им не гнаться за дешёвизной. Дешёвизна русского товара — это диплом на его негодность. По-моему, лучше босиком ходить, чем в дешёвых сапогах» [там же, с. 69].

Лучшая колбаса – водка!

Из письма М.П. Чеховой, 20 мая 1890 г. (Томск):

«Через 2 с половиной дня буду в Красноярске, а через 7-8 в Иркутске. До Иркутска 1500 вёрст. Душа моя кричит караул. Помилуйте, мой бедный чемодан-сундук остаётся в Томске, а покупаю я себе новый чемодан, мягкий и плоский, на котором можно сидеть и который не разобьётся от тряски. Бедный сундучок таким образом попал в Сибирь на поселение. В Тюмени я купил себе на дорогу колбасы, но что за колбаса! Когда берёшь кусок в рот, то во рту такой запах, как будто вошел в конюшню в тот самый момент, когда кучера снимают портянки; когда же начинаешь жевать, то такое чувство, как будто вцепился зубами в собачий хвост, опачканный в дёготь. Тьфу! Поел раза два и бросил. Попросил водки. Не помню ни одного сибирского интеллигента, который, придя ко мне, не попросил бы водки» [там же, с. 84].

Иркутский Таганрог

Из письма Ал. П. Чехову, 5 июня 1890 г. (Иркутск):

«Из всех сибирских городов самый лучший Иркутск. Томск гроша медного не стоит, а все уездные не лучше той Крепкой, в которой ты имел неосторожность родиться. Обиднее всего, что в уездных городишках есть нечего, а это в дороге ух как чувствуется! Подъезжаешь к городу и надеешься съесть целую гору, а въехал — трах! ни колбасы, ни сыру, ни мяса, ниже селедки, а те же пресные яйца и молоко, что и в деревнях. Из Иркутска двинулся к Байкалу, который переплыву на пароходе; от Байкала тысяча верст до Амура, а там на пароходе до Великого океана, где первым делом выкупаюсь

и поем устриц. Иркутск превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы. Нет уродливых заборов, нелепых вывесок и пустырей с надписями о том, что нельзя останавливаться. Есть трактир «Таганрог» [13, с. 95].

Байкальское сидение

Из письма М.П. Чеховой, 13 июня 1890 г. (ст. Лиственничная, берег Байкала):

«11-го июня мы выехали из Иркутска в чайнии попасть к байкальскому пароходу, который отходит в 4 часа утра. От Иркутска до Байкала только три станции. На первой станции нам заявили, что все лошади в разгоне, что ехать поэтому никак невозможно. Пришлось остаться ночевать. Вчера утром выехали из этой станции и к полудню прибыли к Байкалу. На пристани получили ответ, что пароход пойдет не раньше пятницы 15-го июня. Значит, до пятницы нужно сидеть на берегу, глядеть на воду и ждать. Так как не бывает ничего такого, что бы не кончалось, то я ничего не имею против ожиданий и ожидаю всегда терпеливо, но дело в том, что 20-го из Сретенска идет пароход вниз по Амуру; если мы не попадем на него, то придется ждать следующего парохода, который пойдет 30-го. Господа милосердные, когда же я попаду на Сахалин?»

Вдобавок еще не знаем, что нам есть. Население питается одной только черемшой. Нет ни мяса, ни рыбы; молока нам не дали, а только обещали. За маленький белый хлебец содрали 16 коп. Купил я гречневой крупы и кусочек копченой свинины, велел сварить размазню; не вкусно, но делать нечего, надо есть. Зато водка есть! Русский человек большая свинья. Если спросить, почему он не ест мяса или рыбы, то он оправдывается отсутствием привоза, путей сообщения и т.п., а водка между тем есть даже в самых глухих деревнях и в количестве, каком угодно» [там же, с. 109].

Пароход белый-беленький, черный дым над трубой...

Из письма Е.Я. Чеховой, 20 июня 1890 г. («Ермак»):

«Здравствуйте, милые домочадцы! Наконец-таки я могу снять тяжелые, грязные сапоги, потёртые штаны и лоснящуюся от пыли и пота синюю рубаху, могу умыться и одеться по-человечески. Я уж не в гарантасе, а в каюте I класса Амурского парохода «Ермак» [там же, с. 114]. (Прим. автора: «Ермак» – трёхмачтовая брамсельная гафельная шхуна-пароход Сибирской военной флотилии Российской империи и Доброфлота).

С водопада падали, сидели на мели...

Из письма М.П. Чеховой, 21 июня 1890 г. (у станции Покровской):

«Налетели на камень, сделали пробоину и теперь починяемся. Сидим на мели и качаем воду. Налево русский берег, направо китайский. Если бы я теперь вернулся домой, то имел бы право хвастать: «В Китае я не был, но видел его в 3-х саженях от себя» [там же, с. 122].

Телеграмма Е. Я. Чеховой, 11 июля 1890 г. (Сахалин):

«Приехал здоров телеграфируйте Сахалин Чехов» [там же, с. 134].

И всё они пишут, и всё они пишут, и всё они пишут, Царица Небесная!

Отправляясь в далекий путь, Чехов явил себя человеком творческим, но весьма непрактичным: бытовые мелочи писателя не волновали, а на пути следования его поджидали: «страшный холодище», разливы рек, борьба «не на жизнь, а на смерть» с препятствиями, отсутствием еды по дороге, непролазная грязь, в которой он «не ехал, а полоскался», жара, пыль и удушливый дым от ежегодных лесных пожаров.

Чехов добрался до Сахалина 11-го июля, прожил на нём три месяца и два дня, исходил его почти весь с севера на юг, первый из частных лиц провел перепись практически десяти тысяч каторжан и изучил жизнь каторги до мельчайших подробностей:

«Я сделал перепись. Эту работу, произведённую в три месяца одним человеком, в сущности, нельзя назвать переписью; результаты её не могут отличаться точностью и полнотой, но за неимением более серьёзных данных ни в литературе, ни в сахалинских канцеляриях, быть может, пригодятся и мои цифры. В селениях, где я был, я обошел все избы и записал хозяев, членов их семей, жильцов и работников. Чтобы облегчить мой труд и сократить время, мне любезно предлагали помощников, но так как, делая перепись, я имел главной целью не результаты её, а те впечатления, которые дает самый процесс переписи, то я пользовался чужою помощью только в очень редких случаях. Для переписи я пользовался карточками, которые были напечатаны для меня в типографии при полицейском управлении. Ссылное население смотрело

на меня как на лицо официальное, а на перепись — как на одну из тех формальных процедур, которые здесь так часты и обыкновенно ни к чему не ведут. Впрочем, то обстоятельство, что я не сахалинский чиновник, возбуждало в ссыльных некоторое любопытство. Меня спрашивали: зачем это вы всех нас записываете? За всеми этими надеждами и догадками доносился голос, в котором слышались усталость, скука и досада на беспокойство: и всё они пишут, и всё они пишут, и всё они пишут, Царица Небесная!

Голодать и вообще терпеть какие-либо лишения во время моих разъездов по Сахалину мне не приходилось. Исследователи, когда отправляются вглубь острова, в тайгу, то берут с собой американские консервы, красное вино, тарелки, вилки, подушки и всё, что только можно взвалить на плечи каторжным, заменяющим на Сахалине вьючных животных. Случается и теперь, что люди питаются гнилушками с солью и даже поедают друг друга, но это относится не к туристам и не к чиновникам [17, с. 57-58].

В Рыковском есть школа, телеграф, больница и метеорологическая станция имени М.Н. Галкина-Враского, которою неофициально заведует привилегированный ссыльный, бывший мичман, человек замечательно трудолюбивый и добрый. Метеорологическая станция снабжена инструментами, поверенными и приобретенными в главной физической обсерватории в Петербурге [там же, с.192].

Я утомился или обленился и уж на юге работал не так усердно, как на севере.

От телесных наказаний грубеют и ожесточаются не одни только арестанты, но и те, которые наказывают и присутствуют при наказании. Исключения не составляют даже образованные люди. По крайней мере, я не замечал, чтобы чиновники с университетским образованием относились к экзекуциям иначе, чем военные фельдшера или кончившие курс в юнкерских училищах и духовных семинариях.

При пожизненности ссылки побеги и бродяжество составляют неизбежное, необходимое зло и даже служат как бы предохранительным клапаном. Если бы была какая-нибудь возможность отнять у ссыльного надежду на побег как на единственный способ изменить свою судьбу, вернуться с погоста, то его отчаяние, не находя выхода, быть может, проявляло бы себя как-нибудь иначе и, конечно, в более жестокой и ужасной форме, чем побег» [там же, с. 479].

Дело табак

А.С. Суворину, 11 сентября 1890 г. (пароход «Байкал»):

«На Сахалине ждут холеру и держат суда в карантине. Прожил я на Северном Сахалине ровно два месяца. Принят я был местной администрацией чрезвычайно любезно, хотя Галкин-Враской не писал обо мне ни слова. Сахалинский генерал Кононович интеллигентный и порядочный человек. Я видел все, стало быть, вопрос теперь не в том, что я видел, а как видел. Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего Сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Присутствовал при наказании плетми, после чего ночи три-четыре мне снились палач и отвратительная кобыла (*прим. автора: кобыла — скамья для наказаний*). Беседовал с прикованными к тачкам. Когда однажды в руднике я пил чай, бывший петербургский купец Бородавкин, присланный сюда за поджог, вынул из кармана чайную ложку и подал ее мне, а в итоге я расстроил себе нервы и дал себе слово больше на Сахалин не ездить» [13, с. 137].

Телеграмма Чеховой Е.Я., 12-го октября 1890 г. (Сахалин):

«Доброволец «Петербург», выгрузив каторжных, 10 вышел Корсаковский, заберет Антона Павловича, отправится Одессу 13» [13, с. 143].

Возвращение

13-го октября 1890 г. Чехов выехал на пароходе Добровольного флота «Петербург» из Сахалина и, наконец, через Индию и Суэцкий канал возвратился в Европу. Страстному желанию писателя побывать в Японии не суждено было сбыться из-за развившейся на Дальнем Востоке холеры. В Китайском море Чехов пережил ужасный шторм, о котором позднее рассказывал как о важном событии своей жизни: крен парохода был настолько велик, что Чехов держал наготове револьвер, чтобы в случае катастрофы покончить с собою. В Индийском океане он на всем ходу парохода бросился с палубы в море с носа, а затем хватался за веревку, брошенную ему с кормы. Это было его купаньем. В одно из таких купаний рядом с писателем появилась акула, сопровождаемая стайей рыб-лоцманов, описанная в рассказе «Гусев». По Цейлону, который Чехов сравнил с раем, он проделал более 100 верст по железной дороге и, судя по письму к А.С. Суворину, был переполнен впечатлениями.

9-го декабря Чехов через Одессу возвратился в Москву. Имея на руках громадный фактический материал, Чехов приступил к разработке вопроса о непригодности колонизации Сахалина, в результате чего появилось ряд статей в «Русской мысли» под заглавием «Остров Сахалин». Петербургское общество в целом благосклонно оценило результаты этой поездки, а последовавшие позднее реформы по вопросу о каторге и ссылке развивались не без учета чеховского влияния.

Однако большинство литературных друзей встретило Чехова завистливо и недоброжелательно. Его приглашали на званые обеды и пели ему дифирамбы, но в то же время готовы были его съесть. «Если бы я застрелился, — писал он, — то доставил бы этим большое удовольствие девяти десяткам своих друзей и почитателей». Эти друзья и почитатели не давали ему покоя и в Москве, навещали его буквально с утра и до ночи, не давали времени ни отдохнуть, ни поработать.

А.С. Суворину, 9 декабря 1890 г. (Москва, Малая Дмитровка, дом Фирганга):

«Пробыл я на Сахалине 3 месяца плюс 2 дня. Работа у меня была напряженная; я сделал полную и подробную перепись всего сахалинского населения и видел все, кроме смертной казни. Когда мы увидимся, я покажу Вам целый сундук всякой каторжной всячины, которая стоит чрезвычайно дорого. Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом. Два месяца я работал напряженно, не щадя живота, в третьем же месяце стал изнемогать от упомянутой горечи, скуки и от мысли, что из Владивостока на Сахалин идет холера и что я таким образом рискую прозимовать на каторге. Но, слава небесам, холера прекратилась и 13 октября пароход увёз меня из Сахалина. О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотом, задачами, тихоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя... Японию мы миновали, ибо в ней холера; посему я не купил Вам ничего японского и 600 рублей, выданные мне на покупки, истратил на собственные нужды, за что Вы по закону имеете право сослать меня в Сибирь на поселение. Первым заграничным портом на пути моем был Гонг-Конг. Сингапур я плохо помню, так как, когда я объезжал его, мне почему-то было грустно; я чуть не плакал. Затем следует Цейлон — место, где был рай. Когда у меня будут дети, то я не без гордости скажу им: «Сукины дети, я на своем веку имел сношение с черноглазой индуской... и где же? в кокосовом лесу, в лунную ночь!»

Хорош Божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! Пьяный, истасканный забуддыга муж любит свою жену и детей, но что толку от этой любви? Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний — нахальство и самомнение паче меры, вместо труда — лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идет дальше «чести мундира», который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, а всё остальное к черту. Главное — надо быть справедливыми, а остальное всё приложится» [13, с. 144].

Из письма А.Ф. Кони, 26 января 1891 г. (Санкт-Петербург):

«Моё короткое сахалинское прошлое представляется мне таким громадным, что когда я хочу говорить о нем, то не знаю, с чего начать, и мне всякий раз кажется, что я говорю не то, что нужно. Я видел голодных детей, видел тринадцатилетних содержанок, пятнадцатилетних беременных. Проституцией начинают заниматься девочки с 12 лет. Церковь и школа существуют только на бумаге, воспитывают же детей среда и каторжная обстановка. Решать детского вопроса, конечно, я не буду. Я не знаю, что нужно делать. Но мне кажется, что благотворительностью и остатками от тюремных и иных сумм тут ничего не поделаешь; по-моему, ставить важное в зависимость от благотворительности, которая в России носит случайный характер, и от остатков, которых не бывает, — вредно. Я предпочел бы государственное казначейство» [там же, с. 173].

Из письма И.П. Чехову, 27 января 1891 г. (Санкт-Петербург):

«Целый день я на ногах; комната моя изображает из себя нечто вроде дежурной, где по очереди отбывают дежурство г.г. знакомые и визитеры. Говорю непрерывно. Делаю визиты и конца им не предвижу. Поездке моей на Сахалин придали значение, какого я не мог ожидать: у меня бывают и статские, и действительные статские советники. Все ждут моей книги и пророчат ей серьезный успех, а писать некогда! В Москве писать трудно, а здесь же еще труднее. Купил книги. Очень много книг пожертвовано издателями и авторами. Я очень рад, Сахалинские школы будут иметь свои библиотечки» [там же, с. 176].

Из писем А.С. Суворину, 10 мая и 13 мая 1891 г. (Алексин):

«В понедельник, вторник и среду я пишу сахалинскую книгу, в остальные дни, кроме воскресений, роман, а в воскресенье маленькие рассказы. Работаю с охотой.

Скажите также Вашему магазину (в телефон), чтобы он выслал мне в счет будущих благ две книги: «Устав о ссыльных» и «Устав о находящихся под стражей». Вы не подумайте, что я хочу стать прокурором; эти книги нужны мне для моей сахалинской книги. Буду воевать главным образом против пожизненности наказаний, в которой вижу причину всех зол, и против законов о ссыльных, которые страшно устарели и противоречивы» [там же, с. 229-230].

Их писем А.С. Суворину, 18 мая, 27 мая, 16 июня, 24 июля, 30 августа 1891 г. (Боги-мово):

«Я дал себе слово не печатать свои сахалинские писания в газетах и журналах, но теперь, если бы Вы знали, какое берет искушение! Сегодня я мог бы послать Вам на 100 лудиров. Вчера я целый день возился с сахалинским климатом. Трудно писать о таких штуках, но все-таки в конце концов поймал черта за хвост. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно.

В моей литературной деятельности такой кавардак и беспорядок, что сам черт ногу ломает. Стал было повесть писать — заграница помешала; продолжать теперь повесть некогда — Сахалин на шее. Сел бы писать мелочи и пробовал уже, но мысль, что к осени я должен отделаться от Сахалина, парализует всякую способность. Погодите, голубчик, скоро свалю со спины каторгу и весь буду Ваш, от головы до пяток. Я даю Вам честное слово, что сахалинская книга будет осенью печататься, ибо я ее уже пишу и пишу, а если Вы не верите, то я могу прислать Вам вещественные доказательства. Оторвали меня от сахалинской работы не муза мести и печали и не жажда звуков сладких, а жажда поскорее содрать с кого-нибудь хоть пять целковых, ибо я сижу буквально без гроша. Я очень занят; работаю много, но страниц выходит мало.

Сахалин подвигается. Временами бывает, что мне хочется сидеть над ним 3-6 лет и работать над ним неистово, временами же в часы мнительности взял бы и плюнул на него. А хорошо бы, ей-Богу, отдать ему годика три! Много я напишу чепухи, ибо я не специалист, но, право, напишу кое-что и дельное. А Сахалин тем хорош, что он жил бы после меня сто лет, так как был бы литературным источником и пособием для всех занимающихся и интересующихся. У меня вышла интересною и поучительною глава о беглых и бродягах. Когда в крайности буду печатать Сахалин по частям, то пришлю ее Вам» [там же, с. 235-240, 261, 276].

«Кругом море, в середине горе» (из арестантской песни о Сахалине)

Ноябрьская книжка «Русской мысли» (1893-94 гг.) была задержана на три дня по жалобе Галкина-Вранского. На последние главы, набранные для «Русской мысли», был наложен запрет. Все исследование от начала до конца в листах высылалось в Главное тюремное управление, во исполнение условия, поставленного Чехову до начала поездки.

Письмо Чехова к А.Ф. Кони не осталось без внимания последнего; в своих воспоминаниях Кони с чувством благодарности за большое духовное наслаждение, доставленное произведениями Чехова, выразит дань уважения не только их художественной ценности, но и общественной заслуге писателя, связанной с публикацией книги о Сахалине, носящей на себе печать беспощадной траты писателем как своего времени, так и жизненных сил:

«Нужна была решимость талантливого и сердечного человека, отзывчивую душу которого манила и тревожила мысль узнать и поведать о том, что происходит не на сказочном «море Окияне, на острове Буяне», а в далекой и отрезанной от материка области, где под железным давлением закона и произволом его исполнителей влчат свою страдальческую жизнь сотни людей. Эту задачу взял на себя А.П. Чехов. Он ясно сознавал практическую непригодность и нравственный вред нашей тюрьмы и наших сибирских острогов и предпринял, с целью изучения этой колонизации на месте, тяжелое путешествие, сопряженное с массой испытаний, тревог и опасностей, отразившихся на его здоровье.

Книга о Сахалине еще не была издана, когда, в декабре 1893 года, меня посетил Чехов, с которым я при этом впервые лично познакомился. Я был с 1891 года членом «Общества попечения о семьях ссыльнокаторжных», во главе которого стояла его учредительница Е.А. Нарышкина, вносящая в осуществление целей Общества сердечное их понимание и большую энергию. Благодаря последней удалось возбудить во властных сферах сознание необходимости отменить телесное наказание для сосланных в Сибирь женщин, и своим влиянием, просьбами и убеждениями дала несомненный толчок к последовавшему в 1893 году решению Гос. Совета о такой отмене. Я предложил Чехову познакомить его с Нарышкиной в уверенности, что она примет горячо к серд-

цу сообщаемые им факты и возбудит вопрос о расширении на Сахалине деятельности Общества попечения и о предоставлении ему для этого необходимых средств. Несмотря на полное согласие на это Чехова, свидание не состоялось, так как он должен был уехать в Москву, написав мне следующее письмо: «Я жалею, что не побывал у г-жи Нарышкиной, но мне кажется, лучше отложить визит к ней до выхода в свет моей книжки, когда я свободнее буду обращаться среди материала, который имею» [10, с. 199].

Вскоре подросла и книга о Сахалине. Результатом всего этого было распространение деятельности Общества на Сахалин, где им было открыто отделение Общества, начавшее заведовать призреванием детей в трех приютах, рассчитанных на 120 душ. В 1903 году были выстроены новые приют и ясли на восемьдесят человек. Еще ранее на средства Общества был открыт на Сахалине Дом трудолюбия, в котором работали от 50 до 150 человек, и при нем была учреждена вечерняя школа грамотности. Обществом попечения был задуман ряд коренных реформ положения семейств ссыльных на острове, составлены по этому поводу обстоятельные записки, и Нарышкиной было обещано внимательное и сочувственное отношение к намеченным в записке мерам при обсуждении последней в особом совещании министров. Но грянувшая война обратила всё задуманное в этом отношении в ничто» [10, с. 200].

Восемь лет на Сахалине. У вас, господа, нет сердца!

Примечательно, что в «Острове Сахалин» Чехов сообщает о наличии метеостанции в Рыковском. Встреча с начальником метеостанции либо не состоялась, либо Чехов не упоминает о ней умышленно, так как по прямому указанию А.Н. Корфа Чехову запрещалось общение с политическими поселенцами. В 1900 году в первых семи книгах «Исторического Вестника» начали публиковаться очерки И.П. Миролюбова (Ювачева) «Восемь лет на Сахалине», вышедшие отдельной книгой в 1901 году, из которой читатель узнает, что этим метеорологом был не кто иной, как автор книги Иван Петрович Ювачев — политкаторжанин, член подпольной организации «Народная воля», отец выдающегося писателя-авангардиста Даниила Хармса.

Миролюбов (Ювачев), пересмотревший в период заточения в Шлиссельбургской крепости свои политические взгляды и ставший впоследствии религиозным мыслителем-проповедником, в 1890-е гг. провел восемь лет ссыльнопоселенцем на Сахалине.

Ювачев являлся одним из первых этнографов-любителей, описавших быт и нравы жителей острова: разных категорий узников, каторжан-людоедов, надсмотрщиков, палачей, местной интеллигенции, коренных народов. В книге блистательно, ярким метафоричным языком и практически впервые представлена общая картина сахалинской жизни во всем богатстве и драматизме каторжных судеб и межличностных отношений, описан годовой цикл арестантских работ, церковная и культурная жизнь острова, образование на острове, обряды и верования местных народов, их быт и уклад жизни.

Горькой иронией наполнен рассказ о показательной программе посещения острова, специально подготовленной для инспектирующих чиновников и журналистов.

«Начальство засуетилось и стало готовиться к приему важного гостя. Всем еще памятно было посещение Сахалина покойным генерал-губернатором бароном Н.А. Корфом. Это был настоящий праздник для всех [11, с. 214]. На пятый день своего пребывания в Рыковском генерал Н.И. Гродеков неожиданно приходит ко мне осмотреть метеорологическую станцию. Поговорив немного о погоде, он просил меня написать для него краткую характеристику климата здешней долины и ушел. [там же, с. 220].

Простившись очень тепло с поселенцами, Н.И. Гродеков подошел к чиновникам и сказал им: «Ошибки, недосмотры, промахи — всё это можно простить; но у вас, господа, сердца нет! сердца нет!» [там же, с. 222].

...окончательно отжила свое время...

Книга Чехова, ввиду значительного общественного резонанса, обратила на себя внимание чиновников Министерства юстиции и Главного тюремного управления, нашедших наконец нужным организовать инспекционные поездки и ознакомиться с положением дела на местах: в 1896 году организована поездка криминалиста А.Ф. Дриля, а в 1898 году тюремоведа Л.П. Саломона, назначенного в 1896 году высочайшим указом начальником Главного тюремного управления.

Их отчеты, носящие конфиденциальный характер, вследствие чего, к сожалению, не сделавшиеся достоянием широкой общественности, были опубликованы и подтвердили сведения, сообщенные Чеховым, подкрепив их статистическими данными и специальной информацией.

Имея в виду порядочность и честность этого дворянина, объективные результаты инспекции были опубликованы в его обширном докладе Министру юстиции:

«Распределение женщин по поселениям составляет по-прежнему большое место Сахалинской ссылки. По официальным данным, взрослых мужчин — 15126, а взрослых женщин — 3378. Следовательно, женщин 22,3% от числа мужчин, или одна женщина приходится на 4-5 мужчин. Не пришлось натолкнуться на случаи насильственной отдачи женщин в сожительство, но рассказов об этом я слышал достаточно.

Последствием такого соотношения полов является разврат, не останавливающийся ни перед узами, освященными Церковью или созданными в порядке мирском, ни даже перед возрастом. В посту Александровском есть женщина, имя которой уже забыли: называется «Пяташница», по цене визита. В Рыковском есть женщина по прозвищу «Лобачиха», ей за семьдесят лет, визит к ней стоит 3 копейки. Особенно тяжело положение законных жен. Один из поселенцев, заявляя, что положение его довольно стесненное, присовокупил, что ему грех жаловаться: «Слава Тебе, Господи! еще женой торговать не пришлось». Многие торгуют, равно как и отцы водят на ложе к тому, кто пожелает, своих 12-летних дочерей [14, с. 200].

Все тюремные здания на Сахалине деревянные; большая часть находится в состоянии, близком к разрушению; забот к своевременному ремонту не прилагается. Так как употребленные на постройку бревна очевидно не сушились, то все строения рассохлись, скоробились и дали щели в стенах, полах, потолках и крышах. Следствием этого является летом течь и сырость, а зимою холод и промерзание углов, пропускающих в иных местах снег во время метели. Проведенные во дворах канавы не очищаются и, будучи лишены стока воды, вследствие неправильной нивелировки, всегда переполнены гниющими отбросами, распространяющими зловоние и заражающими окружающий воздух.

В зимние месяцы, по прибытии из европейской части России партий, тюрьма переполняется до крайних пределов [там же, с. 145].

На Сахалине имеется три больницы, в коих используются не только каторжные и поселенцы, но и лица свободного состояния. В палатах приходится нередко помещать двойное противу положенного комплекта число людей; тогда одних больных кладут на полу, а других преждевременно выписывают, чтобы дать место новым. В одном коридоре можно встретить сифилитиков вместе с хирургическими больными и чахоточными, рожениц рядом с больными рожей и септициемией. Все больничные помещения содержатся в высшей степени неопрятно. Ремонт зданий производится редко и нерадиво, отчего летом образуется течь через крыши, а зимой снег заносится в палаты.

Белья в больницах недостаточно. Всё оно грязное, а иногда рваное и не соответствует росту. Положенные по табели продукты не всегда кладутся в порцию: яйца отпускаются редко, а количество зелени, капусты, картофеля и луку обыкновенно недостаточно. В конце 1897 года больным вместо свежего мяса давали солонину [там же, с. 166].

Об исправительном значении Сахалинской каторги не может быть и речи; напротив того, всё, что мне удалось узнать, приводит меня к глубокому убеждению, что пребывание в этих тюрьмах безусловно губительно не только для людей нравственно неустойчивых, но и для тех, которых привело на каторгу стечение обстоятельств или преступление характера формального, каковыми являются многие, даже тяжкие нарушения воинской дисциплины.

Вследствие сего представляется наиболее правильным:

1) Продолжать с 1898 года выселение ссыльнопоселенцев на материк Приморской области.

2) Нормировать доставку ссыльнокаторжных из европейской части.

3) Пересмотреть закон от 6 января 1886 года об арестантском труде, имея в виду повысить заработок каторжных и ввести систему различного вознаграждения за урочные и сверхурочные работы.

В заключение доклада считаю долгом изложить выводы из проведенного мною по Высочайшему повелению исследования:

1. Ссылка окончательно отжила свое время. Ни один из применявшихся доселе приемов её организации не достигал и не может достигнуть цели, новых же каких-либо приемов придумать нельзя.

2. Устройство поселений из одних ссыльных равносильно созданию разбойничьих гнезд и воровских притонов.

3. Единственным коренным решением вопроса о ссылке я признаю полную отмену всех её видов, не исключая ссылки как последствия каторги» [14, с. 222].

Меня судьбы...

В 1905 году после неудачной для России войны южная половина Сахалина была отдана Японии, каторга закрыта, ссыльнопоселенцы получили возможность возвра-

таться на материк. Тревога за дальнейшую судьбу острова с учетом патриотического пафоса, обусловленного военным временем, нашла отражение в книге Ж. Гаксбаха с мирным названием «Сахалин. Очерк природы и населения», опубликованной в 1905 году:

«...собственно каторги в настоящие дни нет, когда решается судьба этого острова, когда большинство <...> каторжан принимает участие к обороне кусочка своего отечества в рядах сахалинских дружинников. Каторжан ожидают счастливые дни: искупить свой грех в защите угнетенного тяжелой войной отечества, которому они не умели вольно или невольно служить, будучи на свободе <...> Те из них, которые положат свои кости в борьбу со врагом, предстанут с чистою душою пред Высшим Судией, а те, которым суждено роком доканчивать свою земную жизнь после войны, получают великую милость, объявленную им с высоты русского престола <...> Главный южный пост Корсаковский занят японцами, вступившими впервые за эту войну на русскую территорию. Что ожидает Сахалин в будущем? Будет ли он оторван от русской территории или останется за нами? Во всяком случае пожелаем, чтобы огромная, жаждущая производительного труда Русь, оставляя за собою Сахалин, прекратила страдания его и уделила ему часть своей ласки» [3, с. 15].

Время оккупации Японией северной части Сахалина продолжалось с февраля 1920 г. по май 1925 года, то есть в течение пяти с лишним лет. В эти годы японцы варварски расхищали природные богатства острова: запасы нефти, залежи угля, лес. В северном Сахалине японцы переименовывали селения и улицы, объявляя все казенные здания и земли собственностью японской казны, и т.д. Торговля вся была захвачена японским правительством, которое вело систематическое заселение острова своими гражданами. В январе 1925 года по соглашению между Россией и Японией японцы под сильным давлением России вывели свои войска из северной половины Сахалина [7, с. 7].

В результате победы над Японией в ходе Второй мировой войны в состав СССР была включена вся территория Сахалина и все Курильские острова. Согласно Сан-Францисскому мирному договору 1951 года Япония отказалась от всех прав и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года [7, с. 7].

Чехов со слов каторжных записал: «Мертвые с погоста не возвращаются. Полная безнадежность ссыльного и его отчаяние приводят его к решению: уйти, переменить судьбу, — хуже не будет! Если он бежит, то так про него и говорят: «Он пошел менять судьбу» [17, с. 479].

Пожелаем Сахалину новой счастливой безмятежной судьбы на долгие годы!

Библиография

1. Б. Каторга на острове Сахалине // Сибирская газета. — 1882. — №13. — С. 305-309.
2. Власов. Краткий очерк неустройств, существующих на каторге. Конфиденциально. 1873. — 55 с.
3. Гаксбах Ж. Сахалин. Очерк природы и населения. - М: Университетская типография. 1905. — 15 с.
4. Галкин-Враской М.Н. Записка начальника Главного тюремного управления, тайного советника Галкина-Враского, по командировке его в Сибирь и на остров Сахалин в 1881-1882 гг. — СПб: 1882 г. — 86 с.
5. Галкин-Враской М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881-1882 гг. Из путевого дневника. — СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1901. — 50 с.
6. Галкин-Враской М.Н. Остров Сахалин. Необходимые и желательные мероприятия. Записка бывшего начальника Главного тюремного управления действительного тайного советника Галкина-Враского по обозрению острова Сахалин в 1894 году. — СПб: Государственная типография. 1899. — 48 с.
7. Глуздовский В.Е. Советский Сахалин. — Владивосток: Типография акционерного общества «Книжное дело». 1926 г. — 52 с.
8. Измайлов А. Чехов. 1860-1904. Биографический набросок. - М: Типография товарищества И.Д. Сытина. 1916. — 592 с.
9. Каталог Международной тюремной выставки: официальное издание / IV Международный тюремный конгресс, СПб, 1890. Отдел — Россия. Остров Сахалин.
10. Кони А.Ф. А.П. Чехов, Затерянные произведения, неизданные письма, воспоминания, биография. Под редакцией М.Д. Беляева и А.С. Долина, Ленинград, издательство «Атеней». 1925. — 302 с.
11. Миролюбов И. П. Восемь лет на Сахалине. — СПб: Типография А.С. Суворина, 1901. — 302 с.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. Министерства внутренних дел; Под ред. Н.А. Тройницкого. 1-89 LXXVII. Остров Сахалин. 1899.
13. Письма А.П. Чехова. Том III. (1890-1891). Издание М.П. Чеховой. — М: Типография П.П. Рябушинского. 1913. — 361 с.
14. Саломон А.П. Доклад Его Высокопревосходительству Господину Министру юстиции от Начальника Главного тюремного управления. Доверительно. Копия №212. — СПб: Типография С.-Петербургской тюрьмы. 1899. — 224 с.
15. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1883 год. Первое полугодие. Россия. Законы и постановления. 1883.
16. Устройство каторги на Сахалине // Московские церковные ведомости. — 1884. — №23. — С.305.
17. Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых записок). Издание редакции журнала «Русская мысль». — М: Типография Товарищества И.Н. Кушнерев и К^о. 1895. — 520 с.